

КАПИТАЛИЗМ, РЕНТА И ДЕМОКРАТИЯ*

МАРТЬЯНОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат политических наук,
заместитель директора по научным вопросам,
Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург,
e-mail: martianovy@rambler.ru

Современный капитализм по инерции, заданной А. Смитом, описывается как конкуренция на свободных рынках. Такая историческая модель работала, пока рынок расширялся, а доступных ресурсов становилось все больше. Это позволяло поддерживать политический порядок социального государства, инициированный широкими социальными движениями, как формы эгалитарного внеэкономического распределения ресурсов, смягчающей порождаемые рынком неравенства и классовые противоречия. Однако после того, как капитализм охватил весь мир, он стал все более подвержен кризисным явлениям: конкуренция обостряется, рынки спроса/сбыта не расширяются, технологический прогресс создает растущую структурную безработицу, экономический рост в результате завершения глобального перехода деревня-город стагнирует, ресурсы всех периферий практически исчерпаны. В результате усиливается национализм и протекционизм, глобальная центр-периферийная поляризация нарастает, а на горизонте будущего возникает образ недемократического и неэгалитарного общества без экономического роста и массового труда, но с растущими опасными классами прекариата и безработных, которые требуют все больших объемов централизованных государством ресурсов для поддержания своей жизнедеятельности. Вследствие этих процессов рыночная модель капитализма постепенно трансформируется в государствоцентричную, где основным мотивационным фактором вместо рыночной погони за прибылью становится поиск ренты или передел рынков внеэкономическими способами. В подобном контексте ключевым экономическим субъектом становится государство, распределяющее ресурсы внерыночными способами среди иерархии рентных групп, образующих каркас новой структуры политического сообщества.

Ключевые слова: капитализм; рынок; миросистема; мироэкономика; рента; демократия; государство; центр-периферийная модель.

THE CAPITALISM, RENT AND DEMOCRACY

VICTOR S. MARTYANOV,

Institute of Philosophy and Law
(Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Ekaterinburg,
e-mail: martianovy@rambler.ru

By inertia, which derives from Adam Smith, modern capitalism is described as a free-market competition. This historical model has worked while the market expands and the availability of resources increases. It provided the opportunity to maintain the political order of the welfare state as a form of non-economic egalitarian distribution of resources, which mitigates inequality and class antagonisms generated by market. However, once capitalism has engulfed the whole world, it is more prone to crises: competition

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №17-03-00057.

intensifies, markets of demand and market outlets do not expand, technological progress creates a growing structural unemployment, economic growth due to the completion of the global village-city transition stagnates, the resources of all the peripheries are almost exhausted. As a result, nationalism and protectionism arise, the polarization between the global center and the periphery increases, and there comes the image of undemocratic and non-egalitarian labor less society on the horizon of the future, with the precariat and the unemployed growing in numbers and demanding large amounts of rent to maintain their livelihoods. Due to this, the market model of capitalism is gradually transforming into a rental one, where the pursuit of profit, the main motivational factor intrinsic to the market, is removed by the pursuit of rent and the redistribution of markets by non-economic ways. In this context, the state becomes the key economic actor, which distributes resources by extra-market means within the hierarchy of rental groups that form the framework of a new structure of the political community.

Keywords: *capitalism; market; world-system; world-economy; rent; democracy; state; the center-periphery model.*

JEL: *A13, D7, E2.*

От рынка к ренте: модель глобального рентного капитализма

Наблюдаемые фундаментальные изменения в функционировании глобальных рынков и повсеместный рост влияния внеэкономических факторов на собственно экономические процессы обуславливают закономерное усиление теоретических и методологических позиций классического или *исходного* институционализма. Это теории, ориентированные на объяснение экономических закономерностей и трансформаций сквозь более широкую призму человеческой истории, культуры, географии, которые оказывают *неустранимое детерминирующее влияние* – в виде правовых, политических, моральных и иных регулятивных институтов. Не меньшее значение приобретает анализ выработки интересов и взаимодействия *коллективных субъектов* (социальных групп), сближающий экономическую теорию с политологией и социологией (*Rodrik, 2014*).

В данном проблемном контексте новая волна исследовательского интереса к наследию Т. Веблена, Д. Коммонса, Г. Шмоллера (*Ефимов, 2015*), широкая междисциплинарная популярность трудов Р. Коуза, Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста, Х.-Д. Чхана, М. Олсона, Д. Аджемоглу (и даже отчасти Т. Пикетти), выдержанных в методологических традициях классического институционализма, представляются отнюдь не случайными. Новый подъем популярности институционализма, во многом стирающего сложившиеся дисциплинарные границы в общественных науках, происходит на фоне все большего снижения релевантности теорий, базирующихся на методологическом индивидуализме, саморегуляции *равновесных* рынков, рациональном эгоизме максимизирующих свою прибыль индивидов и *изолированном* анализе *чистой экономики*.

Глобальная приостановка экономического роста, обнаружение пределов свободных рынков, дальнейшее расширение автоматизации и роботизации производства, обуславливающее структурный рост безработицы в развитых обществах, меняют хрестоматийные основания капитализма, связанные с извлечением прибыли из наемного труда и капитала. Глобальный мир демонстрирует отчетливые признаки превращения рыночной модели капитализма в рентную. На доминирующие позиции извлечения ресурсов в условиях экономического неразвития как новой глобальной нормы постепенно вместо предпринимательских прибылей выходит фактор рентных доходов, что в долгом историческом времени, как показывает в своих расчетах Т. Пикетти, является нормальным состоянием естественного капитализма (*Пикетти, 2015. С. 350-358*). Прежде всего, это рента с природных ресурсов, культуры, властных институтов, социального капитала и *приватизации общего знания* (*Жижек, 2012*). Усиливаются контуры глобальной *сервисной экономики*, где основная масса занятых обслуживает

друг друга, а не производит реальные товары, в то время как автоматизированное производство без рабочих и знание (интеллектуальная собственность) становятся источником ренты новых капиталистов, функционально соизмеримым с базовой ролью земельной ренты в учении физиократов (Готнога, 2013. С. 160-162).

Соответственно вместо теорий рыночного ценообразования в центре политической теории и новой политэкономии оказывается вопрос об условиях доступа людей к ресурсам и механизмах их распределения. Прежде всего, речь идет о ренте, которая перестает быть исключительно узким и специфическим экономическим понятием, охватывая разнообразные экономические и внеэкономические ресурсы, а также определяя экономические и внеэкономические условия ее получения гражданами и социальными группами, будучи связана с обладанием последним не только экономическим, но и политическим, культурным и символическими видами капитала (Бурдьё, 2005).

Более того, расширяющаяся сервисная экономика лишь в малой степени принадлежит высокотехнологичному постиндустриальному сектору, что позволяет рассматривать ее скорее как во многом паллиативный способ компенсации массовой занятости в сельском хозяйстве и производстве, чем новый самостоятельный экономический уклад. Между тем, в условиях стагнации привычных аграрных и индустриальных рынков роль ренты с технологий и знания только возрастает, в то время как ресурсы людей труда и его эксплуатации сокращаются. В результате для обеспечения ренты с интеллектуальной собственности, лежащей в основе новейшего когнитивного сегмента капитализма, приходится прибегать к безальтернативному государству с его угрозой легитимным насилием для нарушителей интеллектуальных прав собственности, патентов, ноу-хау и т.д.

*Осложняет переосмысление наблюдаемой тотальной рентной трансформации капитализма и то обстоятельство, что для приверженцев базовой христианской этики современных обществ и трудового происхождения капитала любая рента в моральном аспекте прочто ассоциируется с социальным паразитизмом. Однако рента существует не только в узкоэкономическом понимании, например, в виде отчислений рентодателю недвижимости или *рентного процента*, но и в политическом измерении. Например, в виде политического капитала, доступного гражданам конкретного политического сообщества - право на социальные пособия, дотации, льготы, доступ к образованию, здравоохранению, переобучению, иным благам. Поэтому аморальность ренты как минимум спорна как на фоне всеобщего, нерелексируемого гражданами доступа к ней через социальное государство, так и в экономическом контексте повсеместной эксплуатации и отчуждения в процессе труда и приращения капитала в условиях саморегулируемых рынков. Более того, все фактические рентополучатели, в том числе трудящиеся развитых стран, извлекающие ее из своего привилегированного положения в мироэкономике, как правило, убеждены (либо будут утверждать), что они эту ренту заработали исключительно собственными усилиями. Однако глобальное неравенство оплаты соизмеримого труда подтверждает, что в любой зарплате заложена доля ренты, которая разнится у работающих в зависимости от их гражданства и географического положения в миросистеме. В результате один и тот же труд на внутренних рынках периферии и центра миросистемы оценивается с дифференциацией даже не процентных, а порядковых величин, что нельзя объяснить иначе как рентными факторами, действующими для всех граждан отдельных политических сообществ (Миланович, 2014. С. 23-27).*

Если поставить проблему еще шире, то собственно не является ли паразитической рентой эксплуатация капитализмом в своих интересах всего жизненного мира с его культурными, моральными, правовыми, политическими регуляторами, которые предшествуют капитализму исторически и, выходя за его пределы, являются необходимым внеэкономическим условием самого существования капитализма? В такой перспективе капиталистическая прибыль в целом - это фундаментальная рента с более широкого социального и человеческого капитала,

возникающая за счет траты и эксплуатации ресурсов жизненного мира людей. Соответственно расширение социального капитала и постматериальных ценностей в позднемодерном обществе является не столько результатом развития рыночных отношений, сколько необходимым условием для того, чтобы капитализм мог развиваться дальше в условиях приостановки экономического прогресса.

Дополнительной проблемой в осмыслении нового глобального рентного порядка является ситуация, когда экономический мейнстрим на нормативном уровне ассоциирует рентную ориентацию общества либо со считающимися *архаичными институтами прошлого (земельная рента аристократии)*, либо как *патологию*, характерную для *неофеодальных и неопатримониальных обществ, естественных государств* и иных периферий современности. Соответственно формулируются различные транзитологические рецепты, призванные переориентировать государство, экономику и элиты отсталых обществ, по отношению к которым понятия демократии, капитализма и рынка употребляются только с негативными прилагательными (авторитарный, олигархический, фасадный, ограниченный, управляемый, нелиберальный и т.п.), с поиска и распределения ренты на *институты развития*, преимущественно связанные со *свободным рынком*.

Представляется, что эту все менее релевантную прогрессорскую / транзитологическую исследовательскую оптику можно сменить, если *рассмотреть новейшую политическую историю не как иллюстрацию развития рыночного капитализма, а как эволюционное изменение субъектов, источников и принципов распределения ренты в обществе. Ренту можно определить как ресурс субъекта, получаемый в результате привилегированного институционального положения или эксклюзивного доступа к ограниченным ресурсам. Это рента, которую все чаще преимущественно генерирует не открытый рынок, но государство. Соответственно второй ключевой проблемой становится вопрос о том, когда, кому и за что распределяет ренту государство, как меняются принципы подобного распределения и состав получателей.*

Рентные ресурсные механизмы формируются, как правило, в результате исторической институциональной фиксации индивидуальных или групповых прав и преимуществ (привилегий). *Рентные права и их объем являются производными, прежде всего, от прав собственности на рентный ресурс (недвижимость, гражданство, принадлежность к привилегированному сословию и т.д.).* Рентная модель общества во многом производна от модели распределения власти и собственности в конкретном обществе. По мере развития современного капитализма права собственности становятся все более дифференцированными, а функции владения и управления собственностью, капиталами и иными активами расходятся все сильнее, когда наемный топ-менеджмент получает права по фактическому контролю и распоряжению управляемыми активами. В наиболее радикальном виде революция рентоориентированных менеджеров осуществилась в современной России, когда номенклатуры и хозяйствующие директора оформили частные права владения на общенародную / государственную собственность, которой они в СССР имели право лишь распоряжаться. Парадоксально, но приватизация стала способом создания в новейшей России не рыночного капитализма, но *закрытого рентного общества*, где дифференцированное распределение рентных активов обусловлено не столько принципами свободной конкуренции, сколько властными иерархиями, связанными с феноменом *властесобственности, где права крупной собственности являются неотделимым производным от права на власть*. А основанием для доступа к распределению ренты становится признание государством *статуса* индивида или социальной группы.

Огромное и недооцененное экономическим мейнстримом значение для увеличения общественного неравенства по-прежнему играет не только опережающий прирост капитала, но и постоянный рост стоимости недвижимости, прежде всего, земли, находящейся в руках землевладельцев (*Rognlie, 2014*). Все

большая доля общественного состояния оказывается в руках сверхбогатых. Например, в США доля дохода 1% самых богатых увеличилась со своего минимума в 7,74% в 1973 году до 18,39% в 2015 (*The World Wealth, 2016*). Класс буржуа стремится избежать политических, вне рыночных ограничений роста состояний, приумножая свои внеэкономические преимущества от поколения к поколению (*Миллс, 1959. С. 143-160*). Между тем, сверхнакопления и высокая доходность ренты с капитала регулируется именно политически - через усиление налогов. Причем высоких налогов даже не на сами рентные доходы, а на их производные - собственность и потребление (расходы). При этом в немногочисленных социальных государствах (Франция, Германия, Швеция, Финляндия, Япония и др.) растущее неравенство капитала и труда компенсируется политически, через прогрессивную налоговую систему, благодаря чему неравенство, согласно статистике, практически не растет, в то время как периферийный капитализм существенно ограничен в указанных механизмах выравнивания. Поэтому начальное неравенство больше в развитых странах, а фактическое – в остальном мире. *В этом заключается ключевая роль реальной демократии. Другие политические режимы тоже распределяют, но именно демократия перераспределяет в условиях капитализма наиболее эффективно и эгалитарно для развития всех социальных слоев общества в долгосрочной перспективе.* При этом в ограниченных временных периодах форсированных (догоняющих) модернизаций и военных угроз часто более эффективны авторитарные режимы.

Доминирующие экономические теории, несмотря на расширяющийся кризис рыночной модели капитализма, до сих пор в качестве основных факторов экономического развития видят капитал и труд. И действительно, в условиях первоначальной фазы расширения классического капитализма рента с таких традиционных экономических факторов, как пространство, география, природные ресурсы, легитимное насилие временно уступает место ресурсам труда и капитала. Свободный дух *дикого капитализма* проявляется в географическом освоении новых рынков, экспансии на новые рынки сбыта и в колонии, создании новых отраслей и реализации технологических преимуществ. Однако приращение капитала все равно определяется его рентабельностью, то есть буквально *рентоемкостью*. Фактически на уровне экономической терминологии содержится подсказка, которую мейнстримовская экономическая мысль игнорирует - измерение капитала через ренту. Идеологические факторы преходящего исторического момента борьбы сословной аристократии и новой буржуазии приобрели значение базовых экономических истин, вошли в словарь современной экономической теории, стремящейся во всех экономических процессах видеть легитимирующий капитализм дух предпринимательства и частной инициативы. Хотя на более фундаментальном уровне идет лишь поиск и распределение ренты - сырьевой, силовой, административно-политической и пр. Противостояние новой буржуазии, легитимируемой через превосходство ценностей предпринимательской инициативы, равной конкуренции, риска и товарного производства над земельной аристократией с ее пассивными рентными доходами, сохранило свое риторическое значение и после победы капитализма.

Свободный дух рынка, действующий в условиях конкуренции, является важной частью риторики элит, которым выгодно представить монополию на ренту с тех или иных ресурсов или сам доступ к ограниченным ресурсам как легитимное и достойное вознаграждение своего труда или предпринимательского риска, а не как *привилегию для немногих*. Избирательно реанимируя классический либерализм, неолиберализм в качестве легитимирующей и консолидирующей цели капитализма предполагает создание мощных товарных рынков с сильной конкуренцией, способствующей прогрессу, новациям, новым возможностям для всех, снижению издержек и борьбе за потребителя к выгоде последнего. Но существуют ли такие рынки не в моделях, а в экономической реальности, и не является ли утопической идея сохранения равенства условий участников конкурентного взаимодействия на

долгом временном периоде? Особенно когда конкуренция на этих рынках возрастает, риски увеличиваются, а норма прибыли падает, тогда субъекты рынка все чаще начинают искать внеэкономические (некапиталистические) преимущества, связанные с политическим лоббизмом, *силовым предпринимательством*, коррупцией, монополизацией, сговором производителей, заградительными барьерами для конкурентов и пр. *В таком контексте закономерной конечной целью стратегий субъектов на кризисных рынках становится переход от сокращающейся прибыли к гарантированной ренте.*

Поэтому классическая схема саморегулирующихся рынков А. Смита является лишь обоснованием конкретной исторической модели расширяющегося капитализма, который активно освобождался от внешних регуляторов (государство, церковь, традиционная мораль, цеховики и гильдии и т.д.) и получал за счет расширения и дерегулирования высокие прибыли (*дикий капитализм, модель laissez-faire*). Модель неограниченной конкуренции А. Смита, предложенная на заре капитализма, как показала дальнейшая история, вовсе не является *естественным состоянием* и *стратегией* экономических субъектов капитализма. *Любой капитал, любой экономический актор стремится в своем пределе к ренте как оптимальному способу извлечения прибыли.* Фактически капитализм, ориентированный на такие факторы прироста как капитал и труд можно рассматривать как первоначальную стадию расширения, которая противоречит долговременным закономерностям капитализма, связанным с рентными механизмами развития. В фазе первоначального исторического расширения капитализм содействовал росту личной автономии, инициативы, мобильности и рождения новоевропейского субъекта - буржуа и пролетариата, эффективного предпринимателя и квалифицированного рабочего. Новые субъекты экономики смогли инициировать сначала ограниченную, а потом и всеобщую процедурную демократию. Однако последующий рентный капитализм в условиях сворачивания открытых рынков уже не получает выгод от расширения автономии граждан, все более массово превращающихся из рыночных субъектов в рентоориентированных. В условиях глобального рентного (Г. Стэндинг) или корпоративного (К. Крауч) капитализма закономерно сужаются привычные ресурсные возможности свободных рынков и контрольных функций демократии, а драйвером дальнейшего развития общества все чаще выступает государство (*Крауч, 2010; Стэндинг, 2011; Харви, 2007*).

В настоящее время становится все сложнее игнорировать политические факторы при разработке экономических решений, стратегий и теорий (*Acemoglu and Robinson, 2013*). В глобальном контексте автономная рыночная экономическая модель работает все хуже, когда начинают расти издержки: требования расширяющихся социальных групп, включенных в капиталистическое производство; укрепление наций-государств, действующих в своих интересах вопреки субъектам капитализма; усиление конкуренции и борьбы за небезграничные рынки и пр. В результате свободный рынок становится в перспективе слишком *токсичным* даже для самого себя, требуя усиления внешней регуляции. Исчерпание смитовской модели капиталистической конкуренции связано и с полным географическим охватом человечества рыночными обменов, и с ростом интенсивности конкуренции, когда преимущества во все более плотной конкурентной среде начинают обеспечиваться внеэкономическими факторами. Нерыночная конкуренция приводит к слияниям, банкротствам и поглощениям, связанным с политическим или откровенно силовым регулированием экономики. В итоге идеалтипическое соревнование отдельных производителей уступает место экономическому империализму как оборотной стороне глобализации. Причем субъектами империализма, вопреки ранним прогнозам Р. Люксембург и В. Ленина, становятся не только и не столько государства-метрополии, но и альтернативные субъекты – ТНК, сети глобальных городов и др. В результате начинается новый цикл *огосударствления капитализма*, который представляет превращение значительной

части рыночной прибыли в ренту с государства, в зависимости от конкретных задач развития/выживания бизнеса - получение госзаказа, привилегии для национальных производителей, госдотации и пр. Успех и влияние бизнеса тоже во многом начинает определяться внеэкономическими факторами - социальная значимость, национальная безопасность, лоббизм и др.

Пример экономических чудес Китая, Японии, Южной Кореи, Сингапура и т.д., которые с помощью жесткой государственной регуляции, планирования и протекционизма разных отраслей внутреннего рынка смогли в течение 40-50 лет сделать фантастический рывок в число передовых экономик, полностью опровергает неолиберальные рецепты свободного рынка. Более того, если взять примеры образцовых либеральных демократий и посмотреть на их реальную, а не идеологизированную историю, то мы увидим, что «практически все сегодняшние развитые страны, включая Британию и США, якобы родину свободного рынка и свободной торговли, разбогатели, опираясь на рецепты, которые противоречат ортодоксии неолиберальной экономики» (Чхан, 2008). Соответственно следование этой ортодоксии, как правило, вместо развития лишь закрепляет периферийные экономики в своем зависимом статусе, вынуждая их играть и проигрывать по правилам превосходящих их конкурентов.

Таким образом, представляется, что приращение капитала является главной целью капитализма лишь в историчной фазе его глобальной экспансии, в том числе колониальной, и расширения рынков сбыта продукции зависимым участникам свободного рынка. Капитализм не только не преодолел ренту как ключевой фактор воспроизводства, но и интенсифицировал рентные отношения, рассматривая политические институты как экономические ресурсы в руках властных субъектов, а также увеличил виды и интенсивность ренты с технологий, изобретений, инноваций, самого капитала. Всякий успешный бизнес на самом деле стремится к ренте. Он рано или поздно акционизируется, когда владелец капитализирует свой бизнес. Его владельцы становятся акционерами, получателями ренты, которые нанимают и рабочих, и руководителей, но сами бизнесом могут уже не заниматься, рассматривая его в дальнейшем как рентный ресурс. Весь современный крупный бизнес подтверждает рентную динамику, так как связан с естественной олигархической тенденцией - монополизацией или олигополиями, которые сокращают капиталистическую конкуренцию в пользу стабильных доходов мегакорпораций, поделивших эти рынки во многом внеэкономическими методами. В настоящее время исследователи выделяют ядро из 147 взаимосвязанных ТНК, контролирующих 40% глобального рынка, на котором пытаются действовать миллионы других компаний (Vital, Glattfelder and Battiston, 2011).

Более того, если отвлечься от аксиом рыночного фундаментализма и посмотреть, какие цели ставят себе компании, существующие в рынке, то мы увидим явный парадокс. Любой базовый учебник маркетинга в качестве стратегической аксиомы поведения субъекта на рынке называет выход из конкурентной ситуации. Будь то создание монополии, участие в олигополии, формирование картеля, нового рынка, товарной ниши или уникального торгового предложения. Поскольку длительное пребывание в состоянии открытой рыночной конкуренции не может быть эффективным, так как неумолимо истощает ресурсы экономических субъектов и с высокой степенью вероятности выводит их с рынка. Таким образом, более фундаментальной целью экономической деятельности, чем приращение прибыли рыночным капитализмом, во все времена является поиск и закрепление рентных источников дохода. В то время как существование в плотной конкурентной среде и постоянная борьба капиталистов за прибыли являются слишком рискованным способом выживания и сохранения богатства в долгосрочной перспективе, чтобы он действительно стал нормативным для капитализма, особенно при достижении предела географической экспансии и насыщения рынков сбыта. В подобной перспективе конкурентный рынок не столько вытесняет рентные механизмы, сколько параллельно развивает новые виды деятельности, ставит новые

цели, умножает источники прибыли, создает новые ресурсы, которые со временем могут стать источником новой ренты, что увеличивает финальную ренту общества в целом.

В настоящее время как ведущие, так и периферийные общества мироэкономики демонстрируют сворачивание сферы свободного рынка в условиях все большего исчерпания глобальных лимитов расширения спроса/сбыта в пользу нерыночных субъектов экономики, прежде всего, государства. Глобальный капитализм исчерпал экстенсивные географические факторы извлечения прибыли, связанные с взаимовыгодным обменом между регионами, имеющими, согласно Д. Рикардо, конкурентные преимущества в производстве разных товаров. Усилившаяся конкуренция на свободном рынке отходит на второй план в контексте внеэкономического, протекционистского соперничества разных субъектов за перераспределение рентных доходов. Достаточно упомянуть умножающиеся, асимметричные и часто неравные по своим условиям даже для самих участников региональные и блоковые соглашения о режимах международной торговли и производства - ВТО, АСЕАН, ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, ЕАЭС, Лига арабских государств, находящееся в процессе образования Транстихоокеанское партнерство.

Политическим отражением этих процессов является трансформация борьбы современных идеологий с их стремлением к универсализации и всеобщности в пользу выражения политических запросов, обосновывающих партикулярные привилегии, связанные с эксклюзивным доступом отдельных мировых регионов, обществ, классов и групп к политической ренте. Связанная с политическим порядком демократии модель социального государства в условиях *общества без экономического роста и массового труда* теряет способность к всеобщим гарантиям, а все еще доступные избирательные ренты становятся в условиях сжатия ресурсов объектом политического лоббирования разнообразных групповых интересов. Более того, реализация компенсаторных механизмов социального государства все чаще предполагает для получения рентного ресурса к распределению либо привилегии нахождения национальных экономик на вершине мировых технологических цепочек, предполагающую монополию/олигополию и высокую добавленную стоимость производимых товаров/услуг. Либо самоисключение общества и его ресурсов из глобальных производственных цепочек и рыночных обменов в пользу построения собственного закрытого квазирынка, где нет давления внешней конкуренции. Этот утопический вариант требует ресурсной самодостаточности, кроме того автаркия не может развиваться так же быстро, как остальной мир.

Таким образом, кризис глобального рынка, который больше не может создать новых рабочих мест, постоянно угрожает банкротством конкурирующим экономическим игрокам и не способен обеспечить условия для компенсирующего растущие неравенства государства всеобщего благосостояния, формирует условия для *модели рентного капитализма*. Эту мысль подтверждает и тот факт, что в организующей основе актуального глобального капитализма лежит финансовый сектор (банки, страхование, пенсионные фонды, гос. облигации и пр.), который кредитует весь реальный, производящий сектор. А что это в своей основе как не рентный капитализм - гарантированные, безопасные проценты на располагаемый капитал?

Наконец, все большее значение в глобальном контексте постфордистского, когнитивного капитализма приобретает институциональная организация *ренты со знания* путем организации закрытого доступа к нему с помощью охранных процедур и потенциальных репрессий. Так как только ограничение доступа к знанию делает этот ресурс на некоторое время прибыльным: «меновая стоимость знания целиком зависит от практической возможности ограничить его свободное обращение, т. е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистскими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других. Иными словами, стоимость знания не является продуктом естественной редкости, но вытекает исключительно из тех

ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком... редкость знания проистекает из способности "власти", какого бы характера она ни была, временно ограничить его распространение и регламентировать доступ к нему» (Руллани, 2007. С. 66-67). Фактически капитализацию и интеллектуальную ренту нематериального сегмента экономики, основанного на знаниях, может искусственно обеспечить только государство, поддерживая ограниченную иерархию доступа к знаниям, которая и создает их высокую ценность, хотя они не являются традиционно редким природным ресурсом. Парадоксальным образом, вопреки неолиберальной ортодоксии, когнитивный капитализм для своего дальнейшего развития должен прибегать к поддержке государства.

В перспективе глобальная рентная модель капитализма усиливается, так как прибыль на капитал (r) начинает превышать общие темпы экономического роста (g), что выражается формулой $r > g$. В результате предприниматели неизбежно превращаются в рантье. Рентные механизмы накопления и распределения капитала начинают все больше преобладать над хрестоматийными моделями свободного рынка, конкуренции и свободного предпринимательства. Более того, эта модель приводит к концентрации капитала в руках немногих и радикализации общественного неравенства, наблюдаемой в глобальном мире. Этот сценарий, согласно подсчетам Т. Пикетти, только укрепляется в XXI веке и давно сменил кратковременную эгалитарную тенденцию *славного тридцатилетия* XX века (1945-1975), связанную с моделью $g > r$, в которой экономический рост и увеличение трудовых доходов населения преобладали над темпами накопления капитала, способствуя расширению эгалитарных тенденций и государства всеобщего благосостояния (Пикетти, 2015. С. 43-46). Таким образом, попыткой создания модели социального государства поляризация богатства и доходов была лишь временно приостановлена, но не предотвращена в результате двух мировых войн и стремления выстроить альтернативную капитализму социалистическую современность (советский Модерн) с централизованной плановой экономикой, более эгалитарными, внеэкономическими механизмами распределения ресурсов и коммунитарными принципами политического управления (Мартьянов, 2010. С. 284-292).

Рентный капитализм: политические последствия

Историческая эволюция политической формы общества во многом обусловлена повышением эффективности тех или иных властных институтов в извлечении и распределении ренты по отношению к своим институциональным конкурентам. Доминирующими политическими формами становились те, которые на определенном этапе показывали лучшие результаты в соотношении затрат на ресурсы принуждения и извлечения ресурсов из этого принуждения, обеспечивающего эффективность политической формы. К XVII веку в Европе доминирующей политической формой стало территориальное государство, потеснившее города-государства, союзы городов, церковь, рыцарские ордена и частные коммерческие компании. Однако глобализация вновь катализировала процессы гетерархии, когда политические формы, которые, как казалось ранее, являются атрибутом исторического прошлого, вновь реанимируются в качестве конкурентов территориальных государств, образующих привычную политическую карту мира. Значимую долю в управлении ресурсными потоками перехватывают альтернативные государству субъекты, часто успешно паразитирующие а) на прогрессирующей неспособности территориальных государств к эффективному насилию и контролю ресурсов внутри и за пределами своих юрисдикций, б) в то же время перекладывающие обязательства по отношению к гражданам, трансакционные и институциональные издержки на государство, что обеспечивает превосходство в извлечении разного рода ренты. Например, в России, по некоторым

подсчетах, до 52% финансовых активов находятся в офшорах, то есть выведены из-под налоговой юрисдикции российского государства, при этом в мире в среднем в офшорах находятся 8% глобальных финансов (*Zisman, 2015. P. 53*).

Проблема ресурсного контроля состоит и в двойственном характере самого государства. С одной стороны, государство представляет институциональную площадку для взаимодействия и распределения ресурсов между элитами и значимыми социальными группами. Государство предстает институциональным механизмом переплавки и согласования множества частных интересов во всеобщее законодательство. И пока политический и экономический режим может сохранять иллюзию представительства интересов общества, он легитимен. С другой стороны, государство является субъектом, способным действовать в автономной логике собственных интересов. Но каким образом государство сможет блюсти всеобщий интерес, кто будет субъектом этого интереса - элита, номенклатура, бюрократия? Очевидно, что все эти субъекты, претендующие на тождество своих интересов с государственными и даже имеющие некоторые полномочия и функции действовать от имени государства, самим государством все же не являются. Как не являются отдельные гражданские объединения гражданским обществом как таковым. Они осуществляют *государственные функции*, которые в институциональном измерении всегда разрознены и дифференцированы. Признание автономии государства – это, прежде всего, признание легальности автономных интересов властного аппарата. Если признать, что государство – это *стационарный бандит* (М. Олсон), действующий не *по поручению* общества, а в собственных интересах, то тогда легитимируется и политическая/бюрократическая рента, когда агенты государства становятся его привилегированными рентополучателями. Соответственно то, что с позиций рынка интерпретируется как *политическая коррупция*, в подобной логике становится *законным вознаграждением* агентов государства (*Мартьянов, 2016*). Последовательное отождествление интересов властного аппарата с государственным интересом ведет к тому, что бюрократия «считает самое себя конечной целью государства... Бюрократия имеет в своём обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть её *частная собственность*... Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне» (*Маркс, 1955-1975. С. 271-272*).

Однако суверенитет национальных бюрократий в контроле государственной ренты в свою очередь размывается тем, что в капиталистической мирозаботе все большее значение приобретает распределение ресурсных потоков не только внутри наций-государств, но и между составляющими ее государствами и мировыми регионами. На этом же уровне возникают ТНК, ускользающие от институциональной регуляции отдельных государств. Ресурсы, доступные государству, все чаще определяются изменчивыми и неподконтрольными внешними факторами, например, положением страны в иерархии мироэкономики или динамикой мировых цен на те или иные группы товаров. Это положение не является неизменным и исторически рано или поздно трансформируется. Поэтому национальные элиты вместо управления ситуацией в основном успевают лишь запоздало реагировать на текущие процессы в мироэкономике, частью которой являются конкретные общества.

Будущее капитализма тесно связано с исторической трансформацией государства. Последнее выступает как гарант фоновых, внеэкономических условий, необходимых для существования капитализма - безопасность, право, мораль, инфраструктура и т.д. Государство возникло раньше капитализма, будучи связано в экономической сфере преимущественно с дистрибуцией ресурсов. В любом современном обществе параллельно протекают дарообменные (семья, близкое окружение), дистрибутивные (государство) и рыночные обмены (капитализм), находящиеся в разных пропорциональных соотношениях (*Поланьи, 2002*). Редистрибуция является распределением ренты через государство, в ее соотношении

с параллельными механизмами рынка и дарообмена. Историческое расширение сначала дистрибутивных, а затем рыночных обменов принято интерпретировать как прогресс. Действительно, капитализм связан с расширением сферы рыночных обменов, вытесняющих доминирующие ранее формы коммуникаций. Однако в настоящее время вновь можно наблюдать процессы усиления механизмов редистрибуции, которые подтверждают, что в рентной модели капитализма государство остается ключевым экономическим механизмом, в то время как рынок является лишь дополнением и расширением по отношению к редистрибуции.

Сферы рынка и дистрибуции в каждом современном обществе эффективно соотносятся в разных пропорциях, в зависимости от количества индивидов, организаций, предприятий, социальных групп, которым выгодна та или иная система воспроизводства и распределения ресурсов. В периферийных обществах, где рыночные обмены не приносят явной выгоды большинству, будут, скорее всего, доминировать дистрибутивные обмены. И наоборот, возможности конкретного политического сообщества извлекать прибыль из доминирования на открытых глобальных рынках определяют их склонность к выбору минимизации механизмов дистрибуции, когда прибыль от рыночных обменов оказывается для большинства достаточной без тотального изъятия и перераспределения ресурсов. Но даже в этом случае расширение области рыночных обменов и сокращение государственного регулирования не может быть бесконечным. Каким бы архаичным ни выглядело дистрибутивное государство, какие бы заманчивые альтернативы не предлагал свободный рынок и такие альтернативные государству субъекты, как корпорации и сети городов, полностью отказаться от дистрибуции в пользу механизмов свободного рынка, естественным образом радикализирующего разнообразные неравенства, невозможно, не подвергая общество опасности распада. Отсутствие государства сразу же ставит вопрос о том, кто будет сдерживать экспансию капитализма и компенсировать его внеэкономические издержки, например, перманентный рост неравенства, генерируемый рынками? В противном случае рост общественного неравенства провоцирует коллективные политические действия по элиминации капитализма. С позиций доминирующего неолиберализма сокращение сферы рыночных обменов является архаизацией, но это лишь одна из возможных социальных перспектив взгляда на общество. Перераспределение общественных ресурсов через государство в условиях рентного капитализма позволяет удержать относительную стабильность политического порядка при наличии постоянно растущей массы граждан-рентополучателей. Здесь вместо первоначальной легитимирующей функции обеспечения безопасности и защиты граждан от угроз государство дополнительно легитимируется как механизм сокращения генерируемого рынком неравенства, как обеспечение общественной справедливости через рентное выравнивание.

Таким образом, в настоящее время глобальный мир вступает в новую фазу рентного капитализма, связанную не столько со свободной конкуренцией *на рынках и за рынками*, сколько с внеэкономическим *переделом* самих рынков. *Ключевым игроком в модели зарождающегося рентного капитализма становится государство – и как механизм институционального контроля, и как субъект распределения ресурсов (ренты). Если государство можно рассматривать как механизм извлечения, приумножения и распределения ренты в обществе, то его история во многом предстает как перманентная борьба социальных групп, корпораций и партий за изменение принципов рентного перераспределения.* Новое рентно-сословное большинство в своих правах и возможностях все сильнее зависит не от способности индивидов к труду и конкуренции на сужающемся рынке, а от статуса, принадлежности к определенному сословию, политическому сообществу, уровню располагаемого социального капитала и производного от этих параметров политического права на ренту. Соответственно рост или простое сохранение доходов большинства граждан, живущих наемным или самозанятым трудом, возможны

только через увеличение рентной составляющей их зарплат или сокращение числа работающих при увеличении производительности, влекущее рост структурной безработицы.

В подобном экономическом контексте политический порядок демократии можно рассматривать как постепенное подключение широких слоев граждан к ренте, распределяемой в обществе. Именно демократия обеспечивает механизмы наиболее эффективного общественного распределения ренты, связанные с вложениями в человеческий капитал - образование, медицина, социальное жилье, гарантированный доход, инфраструктура, общественные блага, которые обеспечивают дальнейшее развитие для всего общества. При этом реально функционирующая демократия, основанная на правах для большинства и не сводимая для этого большинства только к размерным электоральным процедурам, – это постоянный источник непредсказуемости, гражданских конфликтов и революций как оборотной стороны свободы. Поэтому исторические демократии существуют как институциональные рентные модели, периодически перенастраиваемые через выборы и ротации элит в зависимости от изменений интересов и требований классовых коалиций, тоже меняющихся во времени.

Либеральный консенсус экономических классов в основе современного политического порядка можно рассматривать как ценностное выражение рентных отношений, сложившихся в обществе. И новейшие глобальные тенденции модификации радикального нелиберального консенсуса в более коммунитарный отражают институциональную динамику изменения соотношения социальных групп и распределения политической ренты (Фишман, 2014). В данной политической перспективе граждан и социальные группы можно рассматривать как субъектов, которые выбирают демократию как наиболее приемлемый, оптимальный для большинства способ распределения доступных ресурсов (ренты). Участие в демократии, в управлении обществом - аналог рыночной деятельности, а прибыль - всевозможная ресурсная рента от этого участия - расширение прав, безопасность, справедливые налоги, социальные гарантии, пособия, пенсии, прочие общественные блага. В этой логике любое политическое устройство можно рассматривать как рентный механизм, предполагающий определенные иерархии приоритетов и правила доступа граждан к совокупным ресурсам конкретного общества. В условиях демократии и обществ *открытого доступа* (Д. Норт и др.) потенциал доступа граждан к базовой индивидуальной ренте достигает апогея, приобщение к рентному распределению становится всеобщим.

В политическом измерении кризис свободного рынка оборачивается кризисом привычной электоральной демократии. Усиливается радикализация социального неравенства в доступе к ренте, которая в качестве последствия приведет к ослаблению легитимности и дееспособности наций-государств, которые свертывают модель государства всеобщего благосостояния. В условиях сокращения доступных ресурсов демократические государства отказываются от идеологии мультикультурализма и космополитизма, активно закрывают доступ к гражданству, испытывают усиление национализма и протекционизма. *В миросистемной перспективе растет противоречие между локальностью политических сообществ центра мироэкономики/государств всеобщего благосостояния, получающих инфраструктурную ренту с глобального капитализма и распределяющих ее внутри закрытых, хотя и демократических сообществ, и остальным миром, который преимущественно оказывается перед лицом издержек подобной иерархии.* Соответственно демократия также обнаруживает свои пределы: она позволяет более эгалитарно распределять ренту внутри конкретного политического сообщества, но не является неизбежным образом будущего для других обществ. В рентной модели капитализма все чаще торжествуют закрытые институты и порядки, когда условием высокой ренты является исключительное положение человека, социальной группы или общества в иерархии миросистемы. *Кризис демократии в свою очередь оборачивается обманутыми ожиданиями от ложного тождества рыночного*

капитализма, представительной демократии (причем часто в ее всего лишь ограниченной, элитарно-электоральной версии) и социального государства - популярного и там, где это тождество определенное время наблюдалось, и там, где оно так и не началось. На периферии мироэкономики архаические трансформации государства еще более радикальны. Из совокупности институтов, предоставляющих гражданам за счет налогов общественные блага и государственные услуги, государство все чаще превращается в извлекателя административной ренты, действующего в собственных интересах и наращивающего разнообразные избыточные функции (Панеях, 2011. С. 42).

В глобальном масштабе государства начинают эволюционировать к своему естественному состоянию, когда в качестве механизма ограниченного доступа к ресурсам и ренте они национализируют издержки и экстерналии крупных корпораций, но при этом все менее эффективны для растущих опасных классов - безработных и прекариата, людей с негарантированной, неустойчивой занятостью (Стэндинг, 2014). Наследственная монополия элит на распоряжение общественной рентой вновь начинает укрепляться, при этом объемы и глубина перераспределения ренты даже увеличиваются. Структурная безработица становится необходимой составной частью рентного капитализма в виде рентозависимых от государства социальных групп, меняющих политическую лояльность на ренту выживания и тем самым создающих искомый антимодерный консенсус. Более того, резервная армия труда в виде безработных, по сути, тоже эксплуатируется в виде недопуска на рынок, где можно продать, пусть и с потерями, свой труд как товар. Поэтому «категория безработных должна быть расширена, чтобы охватывать широкие круги населения, начиная от временно безработных, нетрудоспособных и постоянно безработных, включая сюда также тех, кто живет в трущобах и иных типах гетто (кого отвергал сам Маркс в качестве “люмпен-пролетариата”), и заканчивая целыми областями, народами или государствами, исключенными из глобального капиталистического процесса и напоминающими пустые пространства на старых картах» (Жижек, 2012. С. 28-29).

В дискурсе прогресса такие популярные институциональные экономисты, как Д. Норт, связывают модернизацию как сам способ существования в современности-модерне с обществами открытого доступа, которые постепенно вытесняют естественные государства или в терминологии Д. Аджемоглу – экстрактивные институты. В естественном государстве доступ к ренте имеет только элита, в модерном - рента, хотя и дифференцированно, расширяется на все население. Институциональная конфигурация, отвечающая подобным условиям, не столько наделяет общество новыми возможностями, сколько более эффективно элиминирует негативные издержки нахождения внутри капиталистической миросистемы в пользу предоставляемых ею возможностей роста и развития: «...на протяжении очень долгого времени начиная с момента открытия сельского хозяйства и заканчивая XIX в. экономический рост на душу населения был необычайно низок, практически равен нулю. Каждый исторический случай экономического роста с лихвой компенсировался случаем экономического упадка... Стабильный экономический рост последних нескольких десятилетий стал результатом скорее редуцирования влияния негативных шоков на общественный продукт, чем возрастания показателей роста в те годы, когда этот продукт растет» (Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011. С. 417-418).

При переходе от естественного государства к обществу открытого доступа утверждается, что «индивиды продолжают оставаться мотивированными экономической рентой как на политическом, так и на экономическом рынке, но присутствие открытого доступа стимулирует конкуренцию, что делает подобную ренту лишь временным явлением» (Стэндинг, 2014. С. 418). Представляется, что здесь желаемое выдается за действительное, а имеющая преходящий характер рента является более устойчивым явлением, чем то, что должно ее вытеснить из экономического и политического пространств, а поскольку способность

предоставлять гражданам широкие блага на обезличенной основе теряют даже общества центра мироэкономики, перестающие в силу этого быть достижительным, мотивирующим примером для всех социальных сил, заинтересованных в преобразовании естественных государств. Соответственно *порядки открытого доступа* оказываются идеалтипическими конструкциями, которые чаще образуют различной толщины защитную, адаптивную оболочку над современными обществами, нежели являются преобладающим способом их существования. Такие феномены современности, как конкурентный рынок и свободное рыночное ценообразование, классовое общество и представительная демократия, даже в обществах центра мироэкономики являются слишком переоцененным и идеологизированным *дополнением* к господствующим рентным механизмам в экономике и политике. Поэтому в контексте рентной основы общества принципиального политического отличия естественного государства от демократии не существует, рента отличается лишь модификацией своего распределения.

Более того, исторически в центр-периферийной модели мироэкономики ведущие экономики могли наращивать потенциал социального государства и *общества открытого доступа*, лишь радикализируя мировое неравенство и объемы извлекаемой из своего положения ренты. Фактически модель государства всеобщего благосостояния на Западе была успешна лишь в условиях глобальной технологической монополии, когда остальной мир представлял рынки сбыта и источники сырья. Потенциальный рост мощи новых индустриальных государств лишает постиндустриальных лидеров привычных рентных преимуществ. Более быстрое увеличение подушевого ВВП периферии и полупериферии в оптимистическом сценарии ведет к долговременному выравниванию мировых регионов (*Global Economic Prospects, 2016*). Экономическое, демографическое и военное укрепление суверенитета больших незападных стран затрудняет изъятие рентных доходов в парадигме экономического империализма.

Наконец, значимые политические последствия имеет переформатирование общей социальной структуры общества под влиянием рентной модели капитализма. Модель социального государства являла наивысшее развитие механизмов и принципов эгалитарного рентного распределения в обществе, в том числе в советском варианте. Этот механизм создал социальную структуру позднего капитализма, связанную с расширением среднего класса. Закономерно, что онтологические последствия неолиберальной экономической модели приводят к сжатию среднего класса и дестабилизации политического порядка современных демократий, в которых он играл ключевую роль. Растворение среднего класса в новой социальной структуре маскируется неолиберальной риторикой роста ограниченного *креативного класса*, хотя реальные тенденции говорят об обратном – массовом превращении среднего класса в зависимый *прекариат*.

Заключение: контуры политического порядка рентного общества

В сильных рыночных обществах распределение ресурсов вне экономического рынка выстраивается по аналогичной рынку конкурентной модели, отсюда возникает ключевая метафора *политического рынка демократии*. В рентно-сословном политическом порядке, наоборот, рынок находится на периферии общественных коммуникаций, а его метафоры тем более не воплощаются в экстрактивных и все более иерархических политических институтах. Усиливающиеся тенденции демодернизации, архаизации и феодализации как возврат к *естественному государству* выражены в виде разрастания области дистрибутивных обменов как способов распределения общественных ресурсов, в то время как оболочка рыночной регуляции истощается. Рост рентозависимых слоев населения усиливает государство. Доля расходов современного государства в 3-4 раза больше, чем 100 лет назад, достигая 50-60% ВВП (*Сухарев и Нехорошев, 2011. С. 5*). Актуализируется общий сдвиг конкуренции за ренту с национального на глобальный уровень. Поэтому в позднемодерной мироэкономике ослабляется

стратифицирующая роль экономических классов, но усиливается значение территориальных наций как политических общностей, дающих доступ к ренте через право гражданства. В результате факторы капитала и труда отстают перед лицом более фундаментального фактора выживания – обладания/контроля ресурсов, позволяющих извлекать всевозможную ренту. В свою очередь рента является производной от проблемы контроля собственности, которая становится более важной, чем конкурентные преимущества, кредиты как двигатель производства и спроса, труд, трансакционные издержки и иные переменные, чье влияние связано с легко исчезающими, временными и ненадежными преимуществами. В то же время собственность всегда связана с властью, она обеспечивается самим политическим порядком общества, что во многом выводит ее из числа чисто экономических факторов развития.

В условиях демократического социального государства все граждане впервые наделяются потенциальным доступом к ренте. Новая политическая проблема заключается в дифференциации этого доступа в зависимости от положения гражданина внутри общества. Расширение рентных механизмов все отчетливее проявляет *негативную сословную тенденцию в демократии*, когда дифференцированная борьба разных социальных групп начинает идти на разных уровнях: для большинства за базовую, для разных меньшинств – за привилегированную ренту. В естественных государствах происходит общее свертывание модели социального государства и эгалитарного доступа к ренте, когда удерживать демократию могут, по сути, только сети и пространства крупных городов, поскольку именно в городах достигается необходимая демографическая плотность, общность интересов горожан, индивидуальная автономия и эффективность организованных коллективных действий, способных повлиять на политический выбор элит. Контуры нашего рентного будущего просматриваются как вариативный сплав эгалитарной и иерархической моделей распределения ресурсов. При этом вполне может случиться, что первый вариант, предполагающий всеобщий доступ к ренте, хотя бы в виде концепции *базового безусловного дохода*, будет реализован в обществах центра мироэкономики, а второй – останется уделом периферии, где с *лишними людьми* могут обойтись гораздо более жестоко.

Указанные тенденции в политическом измерении оборачиваются институциональным кризисом демократии, предполагающей в своем экономическом измерении эгалитарные механизмы распределения всеобщей ренты. Фактически степень реальной демократизации современного общества прямо коррелирует с количеством граждан, допущенных к рентным механизмам распределения. Поэтому неолиберальная экономическая политика, ориентированная на свертывание социальной ренты и государственной регуляции, приводит к радикализации общественных неравенств и конфликтов, к закономерному ограничению демократических механизмов. Усиливает кризис демократии и тот факт, что под демократией в современных обществах все чаще начинают пониматься только ее результаты – общественные блага, социальные гарантии, разные виды ренты и прав и т.д. Однако условия всех этих благ, связанные с необходимым и постоянным участием большинства в воспроизводстве и поддержке институциональных условий эгалитарного распределения общественных ресурсов, воспринимаются как раз и навсегда установленные, самоочевидные. Процессуальные и диахронные аспекты демократии полностью выпадают из поля зрения, считается, что демократия установлена неким ключевым историческим событием и следствия его необратимы. В обществе потребления участие в демократии все чаще интерпретируется из завоеванного права в обременительную обязанность. Однако демократия завоевывается и воссоздается непрерывно, как образ жизни, любая приостановка и расслабление пагубны ее пересмотром и, как следствие, отменой гражданских прав.

В результате можно наблюдать частное присвоение (приватизацию) государства, публичных должностей и полномочий, которые становятся источником ренты для должностных лиц. Соответственно становятся невозможны и процедуры

открытой, рациональной легитимации элит и принимаемых ими решений. При этом легитимация через опору на традицию (сакральное) уже не эффективна, а харизматичная легитимация является неустойчивой во времени. *Естественное государство* глобально возвращается в виде рентно-сословного или неопатримониального порядка как «*системной формы производства и присвоения политической ренты* на основе монополизации властно-административных (силовых и фискальных) ресурсов государства различными группами политических предпринимателей и/или бюрократии» (Фисун, 2010. С. 168-169). Подобная система образует стабильно самовоспроизводящийся *антимодерный консенсус* рентозависимых социальных групп, который затрудняет любые преобразования, связанные как с расширением самостоятельности рыночных агентов, так и с преобразованием ресурсно-раздаточного государства. Поэтому все более популярная сервисная модель последнего, оказывающая, прежде всего, услуги своим гражданам, а не иерархически распределяющая ресурсы, является скорее желаемым образом будущего, чем реальностью даже в наиболее развитых обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П. (2005). Формы капитала // *Экономическая социология*, Т. 6, № 3, с. 60-74.
- Готного А. В. (2013). Рентные механизмы воспроизводства будущего общества // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, Т. 2, № 2, с. 153-163.
- Ефимов В. М. (2015). Институциональный подход в экономической науке и к экономической науке. Часть I // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 7, № 3, с. 6-49.
- Жижек С. (2012). От господства к эксплуатации и бунту // *Год невозможного. Искусство мечтать опасно*. М.: Европа, с. 26-49.
- Крауч К. (2010). Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та - ВШЭ, 192 с.
- Маркс К. (1955-1974). К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., Т. 1., 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, с. 219-368.
- Мартьянов В. С. (2010). Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН, 360 с.
- Мартьянов В. С. (2016). Коррупция и сословно-статусная рента в России // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, с. 31-48.
- Миланович Б. (2014). Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М.: Изд. дом ВШЭ, 32 с.
- Миллс Ч. Р. (1959). Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 544 с.
- Норт Д., Уоллис Д. и Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Инст. Гайдара, 480 с.
- Панеях Э. Л. (2011). Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций (На примере российской правоохранительной системы) // *Полития*, № 2, с. 38-59.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 592 с.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 320 с.
- Руллани Э. (2007). Когнитивный капитализм: *deja vu?* // *Логос*, № 4, с. 64-69.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 328 с.
- Сухарев О. С. и Нехорошев В. В. (2011). Закон Вагнера и модели развития экономики // *Экономический анализ: теория и практика*, № 21, с. 2-10.

Фисун А. А. (2010). К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология*, № 4, с. 168-169.

Фишман Л. Г. (2014). Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // *Полис. Политические исследования*, № 4, с. 152-165.

Харви Д. (2007). Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 288 с.

Чхан Х.-Д. (2008). Недобрые самаритяне: миф о свободе торговли и тайная история капитализма. (http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4_2.pdf - Дата обращения: 20.01.2017).

Acemoglu D. and Robinson J. A. (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no. 2, pp. 173-193.

Global Economic Prospects: Divergences and Risks (2016). (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24319/9781464807770.pdf?sequence=6> - Дата обращения: 20.01.2017).

Rodrik D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no. 1, pp. 189-208.

Rognlie M. (2014). A Note on Piketty and Diminishing Returns to Capital. (http://www.mit.edu/~mrognlie/piketty_diminishing_returns.pdf - Дата обращения: 20.01.2017).

The World Wealth and Income Database (2016). (<http://www.wid.world/#Database> - Дата обращения: 20.01.2017).

Vitali S., Glattfelder J. B. and Battiston S. (2011). The Network of Global Corporate Control. (<http://arxiv.org/pdf/1107.5728v2.pdf> - Дата обращения: 20.01.2017).

Zucman G. (2015). The Hidden Wealth of Nations. University of Chicago Press, 200 p.

REFERENCES

Acemoglu D. and Robinson J. A. (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, no. 2, pp. 173-193.

Bourdieu P. (2005). The Forms of Capital. *Economic Sociology*, vol. 6, no. 3, pp. 60-74. (In Russian).

Chang H.-J. (2008). Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism. (http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4_2.pdf - Access Date: 20.01.2017). (In Russian).

Crouch K. (2010). Post-Democracy. Moscow, Publ. House of Higher School of Economics, 192 p. (In Russian).

Fishman L. G. (2014). The liberal Consensus: the Drift of the Neoliberalism to the Communitarianism? *Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie Issledovanija]*, no. 4, pp. 152-165. (In Russian).

Fisun A. A. (2010). By Rethinking of Post-Soviet Politics: the Neopatrimonial Interpretation. *Political Conceptology [Politicheskaja Konzeptologija]*, no. 4, pp. 168-169. (In Russian).

Global Economic Prospects: Divergences and Risks (2016). (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24319/9781464807770.pdf?sequence=6> - Access Date: 20.01.2017).

Gotnoga A. V. (2013). Rental Mechanisms of the Reproduction of the Future Society. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University A. S. Pushkin]*, vol. 2, no. 2, pp. 153-163. (In Russian).

Harvey D. (2007). Brief History of Neoliberalism. Actual Read. Moscow, Generation Publ., 288 p. (In Russian).

Martianov V. S. (2010). The Political Project of Modernity. From the World-Economy to World-Politics: Russia's Strategy in the Globalized World. Moscow, ROSSPEN Publ., 360 p. (In Russian).

Martyanov V. S. (2016). Corruption and the Caste Rent in Russia. *Actual problems of the Scientific Support of Russia's State Policy in the Field of Anti-Corruption*. Ekaterinburg, pp. 31-48. (In Russian).

Marx K. (1955-1974). K Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Marx K., Engels F. Soch.: vol. 1. Moscow, Publ. House of Political Literature, pp. 219-368. (In Russian).

Milanovic B. (2014). Global Income Inequality in Numbers: Throughout History and Today. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics, 32 p. (In Russian).

Mills Ch. (1959). Power Elite. Moscow, Inostrannaja Literatura Publ., 544 p. (In Russian).

North D., Wallis D. and Weingast B. (2011). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow, Publ. House of Gaidar Inst., 480 p. (In Russian).

Paneyakh E. L. (2011). Transaction Effects of Tight Regulation at the Junction of the Organizations (The Example of the Russian Law Enforcement System). *Politija*, no. 2, pp. 38-59. (In Russian).

Piketty T. (2015). Capital in the XXI Century. Moscow, Ad Marginem Press, 592 p. (In Russian).

Polanyi K. (2002). The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg, Aleteia Publ., 320 p. (In Russian).

Rodrik D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no. 1, pp. 189-208.

Rognlie M. (2014). A Note on Piketty and Diminishing Returns to Capital. (http://www.mit.edu/~mrognlie/piketty_diminishing_returns.pdf - Access Date: 20.01.2017).

Rullani E. (2007). Cognitive Capitalism: deja vu? *Logos. Logos. Philosophical and Literary Journal [Filosofsko-Literaturnyi Zhurnal]*, no. 4, pp. 64-69. (In Russian).

Standing G. (2014). Precariat. New Dangerous Class. Moscow, Ad Marginem, 328 p. (In Russian).

Sukharev O. S. and Nekhoroshev V. V. (2011). Wagner Act and the Model of the Economic Development. *The Economic Analysis: Theory and Practice [Ekonomicheskij Analiz: Teorija i Praktika]*, no. 21, pp. 2-10. (In Russian).

The World Wealth and Income Database (2016). (<http://www.wid.world/#Database>: - Access Date: 20.01.2017).

Vitali S., Glattfelder J. B. and Battiston S. (2011). The network of global corporate control. (<http://arxiv.org/pdf/1107.5728v2.pdf> - Access Date: 20.01.2017).

Yefimov V. M. (2015). Institutional Approach in Economics and to Economics. Part I. *Journal of Institutional Studies*, vol. 7, no. 3, pp. 6-49. (In Russian).

Zizek S. (2012). From Domination to Exploitation and Rebellion. *The Year of Dreading Dangerous Ly.* Moscow, Europe Publ., pp. 26-49. (In Russian).

Zucman G. (2015). The Hidden Wealth of Nations. University of Chicago Press, 200 p.